ВОСПОМИНАНІЯ О МОЛОКАНАХЪ.

Изъ множества разнообразныхъ сектъ нашихъ, можетъ быть, ни одна столько не заслуживаетъ вниманія внутреннимъ смысломъ своего вѣроученія, по приложенію своихъ началъ къ жизни, какъ молоканская секта. Къ сожалѣнію, она мало обслѣдована и разъяснена до сихъ поръ и объ ней въ народѣ существуютъ сбивчивыя и разнорѣчивыя понятія. Самыя общеупотребительныя названія этой секты неясны и двусмысленны. Пріѣзжая въ край, гдѣ живутъ этого рода сектанты, попробуйте разспрашивать о нихъ у тѣхъ, кто самъ къ нимъ не принадлежитъ: одинъ вамъ будетъ говорить одно, а другой иное; можетъ случиться, что вамъ будутъ говорить и вѣрно, но будутъ въ то же время разумѣть не то, что̀ вы желаете узнать. Часто православные путаются въ лабиринтѣ различныхъ оттѣнковъ сектъ нашихъ, не въ силахъ проложить между ними грани и приписываютъ однимъ то, что̀ принадлежитъ совсѣмъ другимъ. Сами духовные, при всей учености и добросовѣстности, могутъ здѣсь ошибаться: привыкши къ научной классификаціи признаковъ въ исторіи прежнихъ сектъ, они основываются на замѣчаемыхъ ими у сектантовъ признакахъ и выводятъ заключенія невѣрныя потому, что признаки, сходные съ существующими и существовавшими вѣроученіями, слагаются своеобразно въ простомъ и незаключенномъ въ формы грамотности умѣ русскаго поселянина и производятъ совсѣмъ другое, что̀ нужно было ожидать. Иногда говорятъ о сектантахъ: «у нихъ просто безсмыслица, ничего нельзя разобрать». Эти сужденія добросовѣстны: лучше всего такъ отозваться, когда понять трудно. Своеобразный складъ саморазвитія нельзя мѣрить и объяснять тѣмъ путемъ, который годится для другихъ условій жизни. Наши секты болѣе всего могутъ служить оправданіемъ той мысли, что жизнь нашу изучать нужно не иначе, какъ усвоивши вполнѣ тотъ взглядъ на нее, какой созданъ самимъ народомъ, и прослѣдить путь, ка-

кимъ у него укладываются представленія о предметахъ. Народъ переработываетъ на свой ладъ и то, что даже нѣкогда было заимствовано отъ чужихъ, если только это заимствованное не питается новымъ наплывомъ чуждыхъ понятій. Это слѣдуетъ имѣть въ виду при изученіи нашихъ сектъ; мало того, чтобы узнать догматы секты; иногда ихъ узнать нѣтъ возможности, потому что ихъ нѣтъ въ народномъ сознаніи: они замѣняются фактомъ; не жизненныя отправленія и факты порождаются догматами, а существующіе факты даютъ поводъ заключать о возможности догматовъ.

Общее имя молоканъ у насъ примѣняется къ двумъ сектамъ; имѣютъ ли онѣ, въ самомъ дѣлѣ, между собою органическое сродство — это еще вопросъ спорный, по крайней-мѣрѣ, что касается до степени этого сродства. Одна изъ этихъ сектъ, — субботники или іудействующіе, другая — воскресники: послѣднее названіе совершенно внѣшнее, данное имъ въ отличіе отъ субботниковъ на томъ основаніи, что они праздничнымъ днемъ считаютъ воскресенье, какъ первые субботу. Судьба, осудивъ меня когда-то на долговременное пребываніе въ Саратовской губерніи, дала мнѣ возможность ознакомиться нѣсколько съ тѣми и съ другими. Я видалъ ихъ и бесѣдовалъ съ ними не разъ, въ особенности въ одной торговой и богатой приволжской мѣстности, которая когда-то была столицею молоканъ, но въ царствованіе императора Николая, благодаря правительственнымъ мѣрамъ, сектанство тамъ пришло въ упадокъ; значительная часть молоканъ выселена была на Кавказъ; братья ихъ, оставшіеся на родинѣ, сначала считали эти переселенія наказаніемъ, но, узнавъ, что переселенцы живутъ на новосели хорошо, спокойно, и открыто исповѣдаютъ свое вѣроученіе, сами стали туда удаляться; нѣкоторые же на мѣстѣ прежняго жительства обратились въ православіе, чаще всего притворно, рѣдко искренно, но, въ послѣднемъ случаѣ, примѣшавши къ православныхъ понятіямъ свои прежнія воззрѣнія.

Допроситься у молоканъ сущности ихъ мнѣній было трудно, по крайней мѣрѣ въ оное время; какъ скоро вы начнете говорить съ ними о вѣрѣ, они отвѣчаютъ отрывисто, а если и покажутъ признаки откровенности, то все-таки утаятъ главное. Случайныя обстоятельства поставили меня въ довольно счастливое положеніе въ этомъ отношеніи. Познакомившись на дорогѣ съ однимъ старожиломъ, который, хотя былъ православнаго вѣроисповѣданія, но близокъ по родственнымъ связямъ съ молоканами, я нашелъ въ немъ протекцію и черезъ него могъ познакомиться съ молоканами.

Меня свели съ однимъ субботникомъ, но занятію рыбнымъ торговцемъ. Это былъ, какъ я узналъ, самый упорный и самый ученѣйшій въ своей братіи. Его чрезвычайно худощавое лицо, изрытое тѣмн бороздами, которыя всегда свидѣтельствуютъ о страсти мышленія, его впалые, но сверкающіе огненные глаза, его вытянутая шея, губы, часто при разговорѣ подергиваемыя судорогами нетерпѣнія, и охота высказать за разъ то, на что нужно время, наконецъ, манера, при разговорѣ, выдѣлывать пальцами разныя фигуры, часто встрѣчаемая манера у русскихъ резонеровъ — все показывало въ немъ, съ перваго взгляда, одного изъ тѣхъ фанатиковъ, которые заправляютъ ересями и толками, и которые попадались уже тогда все рѣже и рѣже. Онъ зналъ священное писаніе и особенно ветхаго завѣта чуть не наизустъ, изучалъ церковную исторію и высшалъ изъ памяти годы, какъ лучшій ученикъ на экзаменѣ изъ исторіи. Онъ съ жаромъ возставалъ на храмы вообще и доказывалъ, что для Бога не должно строить храмовъ, ибо вселенная ему храмъ. Я замѣтилъ, что, разсуждая такимъ образомъ, онъ отдаляется и отъ ветхозавѣтности и приводилъ ему въ опроверженіе на память храмъ, построенный Богу Соломономъ и многія мѣста ветхаго завѣта, гдѣ говорится о храмѣ, какъ о предметѣ, угодномъ Божеству. Мой сектантъ отвѣчалъ, что мѣста, гдѣ въ священномъ писаніи говорится о храмѣ, слѣдуетъ понимать въ духовномъ смыслѣ, а не въ буквальномъ, что храмъ слѣдуетъ созидать Богу добрыми дѣлами и молитвами, а что, если Соломонъ построилъ храмъ въ Іерусалимѣ, то Богъ не благословилъ его, ибо Соломонъ, послѣ того, впалъ въ язычество: явный признакъ, толковалъ онъ, что благодать оставила Соломона, а это постигло его именно за построеніе тѣлеснаго храма. Такое отверженіе храма подало мнѣ мысль, что вѣрно и на всю священную ветхозавѣтную исторію у него будетъ такой взглядъ — иносказательное толкованіе, такъ бы слѣдовало по сцѣпленію понятій, но онъ разубѣдилъ меня въ этомъ, когда сказалъ, что слѣдуетъ строго исполнять Моисеевъ законъ и приносить жертвы. «Евреи теперь не приносятъ жертвъ, ибо они въ изгнаніи, а мы новый Израиль: намъ надобно приносить жертвы». Онъ требовалъ особенно, чтобъ исполнялась ветхозавѣтная пасха съ закланіемъ агнца. Талмуда онъ не принималъ и называлъ сборникомъ нелѣпыхъ бредней. Важнѣйшими книгами священнаго писанія онъ считалъ Пророчества; въ нихъ, по его мнѣнію, была вся мудрость. «Что же», спросилъ я «важнѣе: Пятикнижье или Пророчества?» Онъ отвѣчалъ; «Пророчества». Я замѣтилъ ему: для чего же онъ требуетъ такъ строго исполненіе Моисеева обряда и

даже принесеніе жертвъ, когда въ Пророчествахъ есть мѣста, гдѣ говорится о безполезности жертвъ при извѣстныхъ условіяхъ, какъ, напримѣръ, у Исаіи: что мнѣ множество жертвъ вашихъ? Онъ отвѣчалъ, что пророки давали духовный смыслъ обрядамъ и что, такимъ образомъ, ветхозавѣтные обряды слѣдуетъ исполнять, но не иначе, какъ давая имъ духовный смыслъ, разъясненный въ Пророчествахъ. Относительно Новаго Завѣта онъ сказалъ: что принимаетъ его за священныя книги, но все заключающееся въ немъ, слѣдуетъ разумѣть духовно, а не тѣлесно, не буквально, и что, сверхъ того, въ его повѣствованіи не все достовѣрно, иное, вослѣдствіи, прибавлено. По толкованію его, послѣдователи субботничества считаютъ Іисуса Христа пророкомъ, боговдохновленнымъ мужемъ, подобно Исаіи и другимъ, признаютъ его чудеса, но ни за что не соглашаются признать его, подобно намъ, воплощеннымъ Сыномъ Божіимъ. Троица отвергается: нѣтъ, по мнѣнію ихъ, доказательствъ троичности Божества, ни въ ветхомъ, ни въ новомъ завѣтѣ, Богъ вездѣ изображается единымъ; Іисусъ Христосъ пророкъ его, но Іисусъ Христосъ человѣкъ: его и апостолы называютъ ясно человѣкомъ; слово «Духъ Святой» означаетъ мудрость и благодать, ниспосылаемую человѣку отъ Бога, а вовсе не божественную ипостась. Я спросилъ его: вѣруетъ ли онъ въ воскресенье Христово? Онъ отвѣчалъ утвердительно, но въ этомъ отвѣтѣ было что-то неискреннее, да и вообще о Новомъ Завѣтѣ онъ говорилъ съ какою-то холодностью, какъ будто старался избѣгать о немъ разговора, тогда какъ, приводя тексты изъ Ветхаго Завѣта, воспламенялся и увлекался. Не думаю, чтобы онъ хотѣлъ отъ меня утаиться, ибо онъ позволялъ себѣ говорить о христіанской религіи въ такихъ выраженіяхъ, которыя могъ допустить только при полномъ ко мнѣ довѣріи. Кажется, его внутреннее сознаніе о христіанскомъ вопросѣ оставалось неяснымъ и сбивчивымъ, и онъ самъ боялся давать волю тому, что ему въ голову приходило. Онъ соблюдалъ строго правило ничего не дѣлать въ субботу, былъ обрѣзанъ, обрѣзывалъ своихъ сыновей, удалялся отъ всякихъ яствъ, воспрещаемыхъ Моисеемъ, отвергалъ всякое подобіе святыни, какъ унизительное для божества. Онъ ждалъ Мессіи, но представлялъ себѣ его не такъ, какъ еврен; онъ, напротивъ, называлъ грубымъ заблужденіемъ еврейское ожиданіе земнаго царства Израилева и доказывалъ, что подъ нимъ нужно разумѣть царство Новаго Израиля, царство духовное, область разума и правды, а вовсе не какое-нибудь государство. Мессія представлялся ему въ образѣ великаго философа, нравоучителя, который распространитъ по всей землѣ

ветхозавѣтную вѣру. Іисусъ Христосъ не былъ Мессія; онъ былъ только одинъ изъ пророковъ; Мессія будетъ сильнѣе всѣхъ пророковъ, откроетъ величайшія истины міру и приведетъ родъ человѣческій къ блаженному состоянію. Вліянію добрыхъ и злыхъ духовъ на человѣка онъ не придавалъ значенія, хотя не отвергалъ совершенно ихъ существованія.

Въ немъ не проглядывало никакой ненависти къ тѣмъ, которые не слѣдуютъ его вѣроученію; напротивъ, онъ съ жаромъ говорилъ, что надобно дѣлать добро всѣмъ людямъ безъ различія вѣръ, и что во всякой вѣрѣ можно угодить Богу добрыми дѣлами, притомъ же Богъ безконечно благъ и прощаетъ даже величайшихъ грѣшниковъ. Допуская, что Богъ, по своей благости, въ будущей жизни проститъ всѣхъ иновѣрцевъ, онъ признавалъ, что Богъ наказываетъ за неправую вѣру здѣсь на землѣ и увѣрялъ, что если случаются общественныя бѣдствія, засухи, моровыя повѣтрія, болѣзни, то все это постигаетъ людей за то, что они не хотятъ слѣдовать истинной ветхозавѣтной вѣрѣ, а когда на всей землѣ распространится эта вѣра, тогда все будетъ хорошо — и на землѣ водворится блаженство. Такимъ образомъ, онъ представлялъ себѣ Божество чрезвычайно милосердымъ и снисходительнымъ къ намъ въ будущей нашей жизни и чрезвычайно строгимъ въ земной, а послѣдователямъ своего толка сулилъ не столько небесныя, сколько земныя блага.

Происхожденіе своего ученія на Руси онъ приписывалъ еврею Схаріи въ Новѣгородѣ; но слова его не давали повода рѣшить: есть ли это давнее преданіе, переходящее изъ устъ въ уста, или же, можетъ быть, такое мнѣніе возникло уже въ послѣднее время: т.-е. по знакомству съ исторіею по книгамъ, начали замѣчать сходство между субботниками и послѣдователями Схаріи въ вѣрѣ и заключили, по вѣроятію, что секта первыхъ идетъ преемственно отъ послѣдняго.

Другая секта, носящая прозвище молоканской — воскресенская, яснѣе предъидущей. Случалось мнѣ говорить и бесѣдовать со многими изъ ея послѣдователей; трудно было бы забыть двухъ лицъ между ними, которымъ я преимущественно обязанъ свѣдѣніями о вѣроученіи молоканскомъ. Я сошелся съ однимъ ночтеннымъ человѣкомъ, нѣкогда молоканомъ, но давно уже принявшимъ православную вѣру. Мѣстный протоіерей считалъ его ревностнѣйшимъ и добродѣтельнѣйшимъ между всѣми своими прихожанами. А между тѣмъ было время, когда онъ считался самымъ ученымъ и самымъ опаснымъ лжеучителемъ между воскресниками, и въ самомъ дѣлѣ не одинъ десятокъ жертвъ совращенъ имъ съ пути православныя истины. О немъ носился

слухъ, что, въ былыя времена, его интеллектуальной силѣ никто не могъ противостать; нужно только, чтобъ онъ поговорилъ съ человѣкомъ часъ-другой—и если собесѣдникъ не до того упрямъ, чтобъ оставаться глухимъ, вопреки собственному сознанію, то лжеучитель навѣрно обратитъ его. У него была сила слова, сопровождаемся какимъ-то обаяніемъ, располагавшимъ слушателя заранѣе въ его пользу. Онъ зналъ множество текстовъ св. писанія, умѣлъ чрезвычайно искусно и остроумно примѣнять ихъ, задавалъ противнику неразрѣшимые вопросы и ставилъ его въ тупикъ, выводилъ изъ мнѣній своего соперника противорѣчія и безсмыслицу и, пророчески на него поглядывая, приводилъ въ смущеніе, а если нападалъ на болѣе крѣпкаго и смышленнаго, то ловко изворачивался въ кучѣ сравненій, примѣровъ, сопоставленій, противоположеній; искусно съѣзжалъ, такъ сказать, съ торной дороги на проселокъ, переходилъ къ другому, третьему, четвертому предмету; пусть бы даже онъ въ сущности не могъ опровергнуть соперника, все-таки совсѣмъ сбивалъ его и величался побѣдою. Цвѣтущее время его софистической дѣятельности было еще въ двадцатыхъ годахъ, при Александрѣ Павловичѣ; то были времена золотыя для молоканъ, времена свободы; если не de jure, то de facto пользовались они ею и совращали православный людъ въ свою ересь. Тогда еще и правительство обращало мало вниманія на поволжскій край; рука нивелирующей бюрократіи не глубоко еще провела на немъ свою борозду; тогда, по сказаніямъ стариковъ (разумѣется, украшающихъ, какъ всегда бываетъ со стариками, старыя времена лишними цвѣтами), жилось привольно, богато, весело; грозныя высшія власти изъ столицы появлялись очень рѣдко, свои же мѣстныя были сговорчивы, дорожили какою-нибудь внимательностью сектантовъ и, въ свою очередь, давали имъ просторъ: тогда-то была роскошь для умственной удали, любившей выказать себя въ препирательствахъ о богословскихъ и церковныхъ предметахъ. Молокане до того увѣровали въ свою свободу, что подавали на высочайшее имя просьбу, гдѣ ходатайствовали о позволеніи исповѣдывать открыто и законно свое ученіе наравнѣ съ иностранными протестантами, и представили изложеніе своего ученія, которое, къ сожалѣнію, гораздо темнѣе ихъ словесныхъ проповѣдей. Но потомъ другія пришли времена, годъ отъ году болѣе и болѣе стѣснительныя мѣры лишали молоканъ возможности проживать, какъ хочется; ихъ торговыя предпріятія парализовались запрещеніемъ вступать въ гильдіи и отлучаться далѣе тридцати верстъ отъ мѣста рожденія; запрещено имъ держать православныхъ въ услуженіи. Полицейскія власти безпре-

станно придирались къ нимъ, стали ихъ съ семействами требовать въ консисторію на увѣщанія; избиралось для этого нарочно лучшее рабочее время, когда въ ихъ отсутствіе пропадалъ у нихъ на поляхъ хлѣбъ; иногда же, по поводу совращенія правовѣрныхъ въ свою секту, ихъ сажали въ острогъ, держали по нѣсколько лѣтъ, и дѣйствительно виновныхъ въ этомъ преступленіи подвергали торговой казни и ссылкѣ. Эти обстоятельства лишали ихъ прежней зажиточности, прекратили возможность собраній и споровъ; а съ этимъ вмѣстѣ охладилось у многихъ рвеніе къ распространенію своего толка. Нашъ герой въ пору избѣжалъ участи, которая была бы для него очень тяжелою; не даромъ существуетъ пословица: «большому кораблю большое и плаваніе»; какъ совратитель многихъ, онъ и поплатился бы много; видя неминуемую бѣду, онъ присоединился къ православной церкви, остался цѣлъ, невредимъ и ускользнулъ отъ судьбы товарищей, такихъ же какъ онъ проповѣдниковъ. О послѣднихъ остались горькія воспоминанія у молоканъ. Одинъ изъ нихъ, Исаевъ, былъ проповѣдникъ рьяный и упорный; честные іереи напрасно старались его обратить словомъ кротости на путь истины; Исаевъ такъ навострился въ діалектикѣ, что самихъ іереевъ сбивалъ и спутывалъ; послѣ нѣсколькихъ исправительныхъ наказаній съ оставленіемъ на мѣстѣ жительства и съ подпискою не совращать никого изъ православія въ свою секту, онъ, наконецъ, былъ преданъ уголовному суду, и приговоренный къ наказанію кнутомъ, умеръ подъ ударами сего орудія, а удары ему расточались особенно щедро, потому что закоренѣлый раскольникъ не показывалъ ни малѣйшей охоты раскаяться въ своихъ злодѣяніяхъ. Тогда іереи говорили, что бѣсъ взялъ душу у засѣченнаго Исаева и вложилъ ее въ живое тѣло какого-то Трофима, который, очутившись такимъ образомъ съ двумя душами: со своею собственною и съ вложенною бѣсомъ—Исаевою, сталъ проповѣдывать еще сильнѣе, чѣмъ умершій на эшафотѣ Исаевъ. Трофимова проповѣдь также скоро умолкла подъ кнутомъ и клеймомъ. Множество молоканъ было тогда сослано на Кавказъ. Тутъ принялъ православіе мой пріятель. Онъ увѣрялъ меня, что сдѣлалъ это не по страху, а по убѣжденію, и приписывалъ это чтенію отцовъ церкви, особенно Іоанна Златоуста. Теперь онъ обвинялъ своихъ прежнихъ единовѣрцевъ за то, что погрузившись въ одно священное писаніе, они вовсе не заглядываютъ въ сочиненія отцовъ церкви, а еслибы они ихъ читали, то увидали бы, что святая церковь вовсе не такъ судитъ, какъ они себѣ воображаютъ и какъ даетъ имъ право заключать способъ вѣрованія простаго народа, который, не понимая

сущности вѣры, превращаетъ ее въ идолопоклонство. У этого бывшаго лжеучителя теперь уже возникла ревность церковная: онъ сталъ обращать къ православію своихъ прежнихъ единовѣрцевъ, и чтобы имъ доказать, что обрядъ крещенія дѣйствительно имѣетъ свое основаніе въ самомъ святомъ писаніи, выписалъ множество мѣстъ изъ Ветхаго и Новаго завѣта, гдѣ только упоминается о водѣ, хотя, правду сказать, многія мѣста приводятся совсѣмъ некстати. Несмотря на эту ревность къ православію, въ его воззрѣніи до сихъ поръ пробивается тотъ взглядъ, который служитъ основою раскольническому ученію, и онъ часто говоритъ такія рѣчи, которыхъ бы не сказалъ другой православный, никогда не отвѣдавшій раскола, хотя въ сущности этихъ рѣчей нельзя назвать и неправославными. Такимъ образомъ, онъ хотя соблюдаетъ пость, но не строгъ къ другимъ, когда другіе его не соблюдаютъ и, по этому поводу приводитъ слова апостола Павла: «неядый ядущаго да не укоряетъ». Доказывая правильность почитанія св. иконъ, онъ, однако, говоритъ, что собственно отъ мертвой доски нельзя ожидать спасенія; насъ спасаетъ молитва къ Богу, а молиться Богу можно вездѣ, и тамъ даже, гдѣ нѣтъ иконъ; напротивъ, держаніе иконъ въ домѣ и машинальное лепетаніе молитвенныхъ словъ, безъ сердечнаго участія, безполезно. Вообще, онъ въ своихъ разговорахъ старается опереться на то, что, хотя обряды вовсе не противны духу христіанства, и необходимы для богослуженія, однако и не составляютъ существенной части вѣры. Онъ показывалъ желаніе, чтобы всѣ молокане, подобно ему, приняли православіе, но въ то же время находилъ извиненіе ихъ упорству въ томъ, что, дѣйствительно, православные пастыри мало заботятся о вразумленіи своей паствы и міряне, оставаясь въ невѣденіи относительно внутренняго смысла обрядовъ и уставовъ, предписываемыхъ церковью, впадаютъ въ заблужденія, приличныя только идолопоклонникамъ. Противъ нихъ-то собственно возстали молокане, но сами пошли черезъ край. Между православіемъ и молоканствомъ, по его мнѣнію, примиреніе возможно: пусть при исполненіи обрядовъ, православный народъ имѣетъ въ виду не одну форму, а внутренній смыслъ, пусть съ своей стороны молокане сознаютъ, что, для внутренняго смысла, необходима форма и что, слѣдовательно, форма не можетъ быть противна Богу, какъ они ложно себѣ вообразили.

Другая личность, особенно показавшая себя въ ряду многихъ молоканъ, съ которыми я имѣлъ возможность говорить, былъ упрямый сектантъ и страдалъ за свое упрямство. По поводу

подозрѣнія въ сочиненіи просьбы лицамъ, причисленнымъ къ православію и желавшимъ воротиться въ молоканство, его засадили въ острогъ, гдѣ онъ томился нѣсколько лѣтъ и былъ освобожденъ по недостатку доказательствъ. Замѣчательно, что этого человѣка упряталъ въ острогъ одинъ изъ такихъ чиновниковъ, отъ которыхъ, судя по ихъ собственнымъ рѣчамъ, меньше всего этого можно было ожидать, одинъ изъ тѣхъ, которые въ оное время, при всякомъ случаѣ, хвастали либерализмомъ и гуманностью, у которыхъ на языкѣ вѣчно были слова: прогрессъ, законность, справедливость. Само собою разумѣется, что этимъ пышнымъ словамъ противорѣчилъ обычай держать людей въ острогѣ нѣсколько лѣтъ за то собственно, что они только просятъ, когда по закону даже самое явное принятіе сектантскаго ученія наказывалось тѣмъ, что уклонившагося приводили къ увѣщанію, а если увѣщаніе не дѣйствуетъ, то оставляли на мѣстѣ жительства съ подпискою не совращать другихъ. Я познакомился съ этимъ молоканомъ уже по выпускѣ его изъ острога; это была личность чрезвычайно здраваго природнаго ума. Онъ съ жаромъ опровергалъ обвиненія, которыя обыкновенно въ изобиліи сыпали на молоканскую секту въ непризнаніи властей. Нѣсколько начитавшись того-другого, онъ сознавалъ необходимость ученья, просвѣщенія, сокрушался о томъ, что его единовѣрцы лишены средства учиться и чрезъ то принуждены довольствоваться чтеніемъ одного св. Писанія. Его занимала современная литература и современные вопросы въ русской печати. Это была, однимъ словомъ, личность, возбуждавшая разомъ и уваженіе, и грусть: много такихъ способныхъ погибаетъ втунѣ подъ гнетомъ тяжелыхъ обстоятельствъ.

Не стану распространяться о другихъ личностяхъ, съ которыми я бесѣдовалъ. Это было бы лишнее; гораздо интереснѣе изложить то, что я отъ нихъ слышалъ.

Молокане-воскресники называютъ себя духовными христіанами. Впрочемъ, названіе молоканъ не чуждо имъ, только на счетъ происхожденія этого слова у нихъ мнѣнія раздѣляются: одни говорятъ, что это имя дано имъ православными, потому что они не соблюдаютъ поста и ѣдятъ всегда молоко; другіе, напротивъ, утверждаютъ, что названіе это выдумано самими послѣдователями секты, основываясь на словахъ апостола Павла, употребившаго выраженіе *словесное молоко*, и также на другомъ выраженіи того же апостола, сравнивающаго первоначальную передачу Христовыхъ истинъ съ кормленіемъ молокомъ, въ противоположность твердой пищѣ, приличной зрѣлому возрасту, съ которымъ сравнивается дальнѣйшее воспитаніе. Такимъ обра-

зомъ, съ одной стороны слово «молокане» знаменуетъ главный ихъ принципъ, состоящій въ предпочтеніи духовныхъ средствъ матеріальнымъ знакамъ, и въ числѣ этихъ средствъ принимающій силу слова, сравниваемаго съ млекомъ, съ другой — предполагаемую ими самими простоту ихъ ученія, которое, по ихъ понятію, есть фундаментъ христіанской жизни и нравственности, ибо они основываются на священномъ Писаніи, которое то же для христіанина, что̀ млеко для дитяти. Названіе «духовные христіане» общеупотребительнѣе; у нихъ самихъ слово *духовные*, по ихъ толкованію, значитъ то, что они принимаютъ, вопервыхъ, духовную благодать, а вовторыхъ, признаютъ поклоненіе Богу духомъ и истиной, а не формою. Что касается до перваго, то ихъ понятія разнятся отъ нашихъ тѣмъ, что, по ихъ мнѣнію, дѣйствіе благодати сообщается не посредствомъ таинствъ и видимыхъ знаковъ, а непосредственно; второе у нихъ основывается на извѣстномъ изреченіи Христа женѣ Самарянкѣ. На этомъ-то текстѣ основываютъ они отверженіе храмовъ и всѣхъ признаковъ установленнаго богослуженія. Христосъ сказалъ женѣ Самарянкѣ, что въ его время іуден покланяются въ храмѣ Іерусалимскомъ, а самаряне у колодца Іаковля; но придетъ время, когда истинные поклонники будутъ на всякомъ мѣстѣ поклоняться Богу духомъ и истиною. Изъ этого, по ихъ мнѣнію, выходитъ, что храмовъ въ новой церкви не должно быть. Апостолъ Павелъ всѣхъ называетъ священниками и, слѣдовательно, особыхъ священниковъ не нужно. Подъ словомъ «епископъ», упоминаемымъ у Павла, объясняютъ они, надобно понимать избраннаго обществомъ начальника, а не особенно посвященнаго совершителя обрядовъ. Христосъ избралъ апостоловъ не изъ левитовъ, не изъ священниковъ и не посвящалъ ихъ въ священники, слѣдовательно, священникъ ничуть не ближе къ Богу, чѣмъ непринимавшій посвященія въ духовный санъ. Христосъ не заповѣдывалъ особеннаго богослуженія, котораго бы не могли совершать другіе, кромѣ апостоловъ, и вообще Христосъ не дѣлалъ различія между апостолами и другими, которые въ него истинно вѣровали. У Христа всѣ его послѣдователи равны и онъ самъ сказалъ, «что всѣ братья, и кто хочетъ быть первымъ, пусть слугою всѣмъ будетъ». Этимъ уничтожается различіе степеней въ церкви Христовой, и не слѣдуетъ однимъ оказывать чести болѣе другихъ; всѣ мы священники. Церковь — новый Израиль; церковь, по молоканскому понятію, не должна отдѣляться отъ гражданскаго общества; напротивъ, гражданское общество и есть собственно церковь, и будучи церковью Христа, гражданское общество должно быть

устроено на евангельскихъ началахъ, на любви и равенствѣ своихъ членовъ. Толкуя въ свою пользу слова Павла: гдѣ духъ Господень, тамъ свобода, они примѣняютъ то, что у Павла говорится о еврейской обрядности и соединенномъ съ нею законѣ, ко всякимъ постановленіямъ и формамъ. Вообще: «буква мертва, а духъ животворитъ» — обычное изреченіе молоканъ. Отвергая храмы и священство, отвергаютъ они и всѣ таинства, даже и крещеніе и причащеніе, которыхъ не осмѣлились коснуться лютеране. Казалось бы, и трудно отвергать то, что основано на ясныхъ словахъ Христа, когда множество свидѣтельствъ подтверждаютъ существованіе этихъ таинствъ въ первыхъ вѣкахъ христіанства. Но молокане объясняютъ эти таинства такъ: крещеніе, говорятъ они, только видимый образъ невидимаго; оно было нужно только до тѣхъ поръ, пока невидимая мысль не будетъ постигнута. Самъ Іоаннъ Крститель сказалъ: я крещу васъ водою, а посреди васъ стоитъ тотъ, который сильнѣе меня: онъ васъ крститъ духомъ святымъ и огнемъ. Вотъ уже здѣсь Іоаннъ указываетъ, что есть крещеніе высшее, при которомъ крещеніе водой дѣло лишнее. Мы знаемъ, что Корнилій сотникъ получилъ даръ Духа Святаго прежде, чѣмъ крстился водою, слѣдовательно, крстился духомъ и безъ воды. Не видно, чтобы апостолы были крещены водою, а если апостолы не были крещены водою, и сдѣлались провозвѣстниками и основателями христіанской вѣры, то не есть ли это доказательство, что крещеніе водою для насъ не необходимость? Если Христосъ крстился водою, то это потому, что онъ хотѣлъ исполнить видимый еврейскій законъ, и все, что до него было установлено. Онъ вѣдь и обрѣзался, но намъ не заповѣдывалъ обрѣзываться. Христосъ повелѣлъ апостоламъ крстить всѣ языки во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, но вслѣдъ за этимъ повелѣніемъ въ Евангеліи слѣдуетъ объясненіе, какъ должно крстить; это объясненіе въ словахъ: *учаще ихъ блюсти елико заповѣдахъ вамъ*. Слѣдовательно, крещеніе, которое заповѣдуетъ Христосъ, есть ученіе по Христову евангелію. Слово «крещеніе» часто употребляется въ томъ смыслѣ, когда очевидно для всякаго, что подъ нимъ не разумѣется водное крещеніе; напримѣръ, Христосъ, говоря о собственной смерти, называетъ ее крещеніемъ. О самомъ Іоаннѣ въ евангеліи поясняется, какъ онъ крстился и для чего: бѣ Іоаннъ крсти крещеніемъ въ покаяніи. Слѣдовательно (говорятъ молокане), сущность самаго Іоаннова крещенія, если оно и отправлялось подъ видомъ омовенія, была не омовеніе, а покаяніе. У апостола Павла есть мѣста, гдѣ крещеніе прямо принимается въ духовномъ смыслѣ: едина вѣра,

едино крещеніе. Молокане находятъ не только въ Новомъ, но въ Ветхомъ завѣтѣ мѣста, гдѣ говорится о водѣ, и вода употребляется въ иносказательномъ смыслѣ — напримѣръ: у Исаіи говорится, что потекутъ воды изъ Галилеи; здѣсь пророкъ предсказываетъ ученіе Христово, которое явится въ Галилеѣ и просвѣтитъ весь міръ. Христосъ говоритъ, что кто вѣруетъ въ него, у того отъ чрева потекутъ рѣки воды живы: здѣсь, конечно, вода въ иносказательномъ значеніи. Крещеніе водное есть только обрядовое представленіе мысли объ основаніи и очищеніи человѣка, посредствомъ Христова ученія. Само по себѣ крещеніе водою не можетъ быть дѣйствительно; оно не можетъ спасать, не можетъ предохранить отъ злыхъ дѣлъ, ни отвратить отъ крестившагося кары Божіей за его дурные поступки. Иначе— между крещенными не было бы нарушителей Божіихъ заповѣдей. Притомъ же, гдѣ, спрашиваютъ молокане, дары Святаго Духа, получаемые, какъ говорятъ, при крещеніи? Человѣкъ, крестившись во младенчествѣ, остается совершеннымъ невѣждою въ дѣлѣ познанія заповѣдей Божіихъ, можетъ жить по язычески и, слѣдовательно, не имѣетъ права считаться христіяниномъ? Напротивъ, еслибы кто и не былъ крещенъ водою, но позналъ Христа и исполнялъ бы всѣ Христовы заповѣди, неужели бы онъ былъ осужденъ на вѣчное мученіе за то единственно, что не совершилъ обряда омовенія, который самъ собою не могъ его ни научить истинно, ни спасти отъ грѣха? Христосъ не сказалъ: *Если кто не крестится водою, не войдетъ въ царствіе небесное*, но сказалъ: *водою и духомъ*... Не ясно ли, что водное крещеніе недостаточно? Въ этомъ мѣстѣ воду слѣдуетъ принимать въ иносказательномъ смыслѣ: креститься водою и духомъ, значитъ очиститься, — какъ бы водою омыться отъ грѣховъ тѣла и начать жить духомъ. Что въ словахъ о крещеніи водою слѣдуетъ давать водѣ иносказательное значеніе — подтверждаетъ и крещеніе огнемъ, о которомъ говоритъ Евангеліе; конечно, нельзя огонь здѣсь принимать въ буквальномъ смыслѣ; иначе надобно бы было всѣмъ намъ сжечься. креститься огнемъ — значитъ истребить въ себѣ всѣ дурныя наклонности, для обновленія духомъ. И въ самомъ дѣлѣ, если ребовать непремѣнно крещенія водою, тогда не нужно прощать тѣхъ изувѣровъ, которые сожигались, воображая, что исполняютъ Христову заповѣдь, понявъ ее буквально? Однимъ словомъ, крещеніе водою — это буква, выражающая мысль. Нужны ли буквы, когда уже мысль сама по себѣ понятна? Конечно, нѣтъ. Вотъ что̀ притомъ говорятъ молокане; — вы написали что-нибудь на запискѣ для памяти, а потомъ выучили

напзусть, и знаете твердо то, что̀ было написано въ запискѣ; имѣетъ ли тогда записка для васъ какое-нибудь значеніе? Такъ точно, если въ первые вѣка, когда христіанство распространялось между язычниками, быть можетъ, обрядъ крещенія былъ полезенъ, потому что напоминалъ крестившемуся, что онъ принадлежитъ къ Христовой общинѣ, и отличалъ его отъ нехристіанъ видимымъ образомъ. Но въ обществѣ христіанъ, которое отъ прародителей считаетъ себя вѣрующимъ Христу, какое значеніе онъ можетъ имѣть? «Наука нужна, а не вода», говорятъ они — наука и мысль ученія. Подобнымъ образомъ толкуютъ они и о причащеніи, и признаютъ только духовный смыслъ этого таинства, отвергая необходимость самаго обряда. Когда имъ, въ опроверженіе ихъ взгляда, указываешь на историческое событіе Тайной Вечери, они указываютъ на объясненіе самого Христа, именно на мѣсто у Іоанна, гдѣ Спаситель говорилъ о яденіи Его плоти и питіи Его крови. Притча эта возбудила соблазнъ въ Христовыхъ слушателяхъ. Спаситель обратился къ ученикамъ и спросилъ: какъ вамъ кажется? Жестоко слово сіе, отвѣчали ему. «Неужели и вы соблазняетесь! сказалъ имъ Спаситель;—Духъ животворитъ, а плоть ничего не пользуетъ. Слово мое есть духъ и жизнь». Изъ этого мѣста молокане выводятъ, что, подъ образомъ Тайной Вечери слѣдуетъ понимать тѣсное соединеніе со Христомъ, посредствомъ усвоенія Его ученія. Мы до того должны сближаться со Христомъ, чтобы могли составить съ нимъ какъ бы одно существо, какъ бы одну плоть и кровь. Молокане, въ подтвержденіе своихъ понятій, говорятъ, что подобно обряду крещенія, и обрядъ причащенія самъ по себѣ недѣйствителенъ: многіе хотя и причащаются, а отъ этого не становятся лучше и не перестаютъ грѣшить; напротивъ, надобно причаститься тѣла и крови Христовой духовно, т.-е. мыслить, чувствовать и поступать такъ, какъ Христосъ повелѣваетъ и какимъ Онъ явилъ себя въ жизни; тогда-то человѣкъ дѣйствительно составляетъ со Христомъ единую плоть, тогда ужъ онъ не можетъ грѣшить, не можетъ и желать грѣха. Другія таинства молокане также объясняютъ иносказательно: такъ о елеосвященіи они толкуютъ, что самъ апостолъ Іаковъ, на котораго ссылаются для оправданія обряда, указывая на помазаніе больныхъ елеемъ, говоритъ, что спасетъ болящаго молитва, слѣдовательно здѣсь помазаніе есть иносказательный образъ выраженія, а не сущность. Противъ таинства покаянія они говорятъ такимъ образомъ: если кто не покается священнику, а грѣшить перестанетъ, развѣ тотъ не будетъ угоднѣе Богу, чѣмъ тотъ, кто десять разъ кается и каждый разъ возвращается къ

прежнимъ грѣхамъ? Кто грѣшилъ да пересталъ грѣшить — тотъ уже тѣмъ самымъ покаялся; когда пересталъ — значитъ созналъ, что грѣхъ дуренъ; и за это сознаніе и исправленіе Богъ прощаетъ его, хотя бы онъ и не повѣрялъ своей тайны священнику. Напротивъ, многіе, воображая, что сообщеніе священнику грѣховъ своихъ достаточно можетъ очистить и спасти человѣка, успокоиваются совѣстью, не думаютъ искоренить въ себѣ дурныхъ наклонностей, опять впадаютъ въ прежніе пороки и, предаваясь имъ, льстятъ себя надеждою, что загладить ихъ передъ Богомъ легко, стоитъ только по установленному обряду покаяться священнику. Съ другой стороны, какъ можетъ прощать и разрѣшать священникъ, когда онъ самъ, какъ часто мы видимъ, предается еще худшимъ порокамъ? О таинствѣ брака они говорятъ: равѣ худое житье мужа съ женою освящается тѣмъ, что они обвѣнчаны? Если мужчина и женщина скажутъ: будемъ вмѣстѣ жить, и станутъ жить согласно, честно, — развѣ такое житье не богоугоднѣе, чѣмъ житье тѣхъ, которые обвѣнчаны въ церкви и потомъ ссорятся, не довѣряютъ другъ другу, и обманываютъ другъ друга? Любовь и согласіе — вотъ въ чемъ бракъ, а не въ обрядѣ. Богъ сотворилъ человѣка — сотворилъ его въ образѣ мужчины и женщины, и установилъ имъ законъ, чтобы мужчина искалъ соединенія съ женщиною и женщина съ мужчиною: какъ скоро мужчина съ женщиною сошлись по взаимной склонности — это значитъ, что Богъ ихъ благославляетъ, и они должны любить другъ друга, жить вмѣстѣ дружно и согласно и не расходиться; а если не станетъ между ними любви и согласія, то лучше имъ разойтись: это, однако, не хорошо; но не то не хорошо, что они расходятся, а то, что между ними любви не стало. Бракъ у молоканъ безъ всякихъ обрядовъ: молодой человѣкъ дѣлаетъ предложеніе дѣвицѣ, получаетъ ея согласіе, тогда испрашиваетъ благословеніе родителей; сходятся, по условію, въ домѣ жениховыхъ или невѣстиныхъ родителей; приглашаются свидѣтели, новобрачные получаютъ взаимное благословеніе отъ родителей жениха и невѣсты, и бракъ совершенъ. Свадебныхъ церемоній нѣтъ вовсе.

Охота отыскивать вездѣ иносказательный смыслъ у молоканъ не ограничивается однимъ кругомъ обрядовъ. Она переходитъ и на историческую часть священнаго писанія. Такимъ образомъ, для молокана все равно: дѣйствительно ли Христосъ родился отъ Дѣвы, творилъ чудеса, страдалъ и воскресъ изъ мертвыхъ— или все это назидательный вымыселъ; слѣдствіе для нашего нравственнаго преуспѣянія, по ихъ толкованіямъ, одно и то же; ибо цѣль христіанскаго ученія есть человѣческое совер-

шенство, достигаемое въ любви къ Богу и къ ближнему. Христіанство, во всякомъ случаѣ, есть высшее божественное откровеніе, но какимъ бы путемъ оно ни явилось въ человѣкѣ — все едино; былъ ли Христосъ на землѣ въ самомъ дѣлѣ, или, по Божіему промыслу, книга Евангеліе была написана для назиданія — и въ томъ и въ другомъ случаѣ человѣкъ равнымъ образомъ можетъ пользоваться ею для своего спасенія; слѣдовательно, если бы кто нибудь сомнѣвался въ исторической дѣйствительности всего, что̀ представляется въ Евангеліи происходившимъ, и понималъ бы все иносказательно, тотъ еще не грѣшитъ противъ духа христіанства. Но собственно молокане не отвергаютъ исторической части священнаго писанія; они только хотятъ объяснить, что поставляютъ сущность не въ буквѣ, а въ смыслѣ; они, однако, допускаютъ, что все написанное въ Евангеліи дѣйствительно случилось, но такъ случилось, что всему приданъ свыше внутренній, нравственный смыслъ. Священное писаніе для насъ источникъ нравственнаго совершенства; послѣднее достигается тогда, когда человѣкъ усвоиваетъ божественное ученіе, заключающееся въ священномъ писаніи, и соображаетъ съ нимъ свои поступки въ теченіе своей жизни, а не тогда, когда вѣруетъ что то, что описывается случившимся. Дѣйствительно ли такъ случилось: это, по ихъ понятію, вопросъ историческій, а не религіозный. Все равно, научается ли человѣкъ изъ разсказа историческаго, или изъ вымышленной повѣсти. Вѣдь въ самомъ Евангеліи есть притчи и онѣ выдаются за притчи или вымыселъ, а не за дѣйствительно происходившія событія. Слѣдовательно, воля Божія можетъ и въ формѣ притчи или вымысла учить насъ пути къ спасенію, а поэтому и нѣтъ необходимости, чтобы разсказываемое въ Евангеліи точно такъ происходило, какъ разсказывается; довольно, если въ немъ сохранена будетъ внутренняя правда, а затѣмъ еслибъ оно все было притчею, то ничего оттого не теряетъ. Точно также еслибы событія, описываемыя въ Евангеліи, хотя и происходили на самомъ дѣлѣ, но не совсѣмъ такъ, какъ мы читаемъ, и по давности времени дошли до насъ въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, Евангеліе отъ этого не теряетъ своего духовнаго смысла. Такого рода толкованія не имѣютъ границъ и молоканинъ подвергаетъ имъ по своему произволу все — и обрядъ, и исторію, и догматъ. Но оттого-то и наступаетъ для его толкованій поворотъ. Давши черезчуръ широкій размѣръ иносказанію, распространяя его на такія стороны, которыя очевидно, по здравомъ обсужденіи, должны быть изъяты отъ пониманія въ смыслѣ иносказательномъ, молокане, тѣмъ самымъ, теряютъ различіе между

тѣмъ, что̀ можно, и чего нельзя допустить, въ качествѣ буквы внутренняго смысла; и потому они не могутъ сдѣлаться такими фанатическими врагами извѣстной обрядности, какъ протестанты Запада; обрядность у нихъ то же, что буква. Является непзбѣжно вопросъ: слѣдуетъ ли допускать какую нибудь букву для выраженія духовнаго или нѣтъ? Отвергать всякую букву невозможно; если допустить букву св. Писанія и искать въ ней внутренняго смысла, то почему же не допустить и обрядовъ, коль скоро они служатъ буквою признаваемаго смысла? — Такъ обыкновенно и оправдываютъ свое возвращеніе къ православію нѣкоторые, обратившіеся изъ молоканства. Такъ обращенный въ православіе бывшій молоканскій учитель говорилъ о своихъ прежнихъ единовѣрцахъ: судятъ они о крещеніи вѣрно и смыслъдаютъ правильный, да отвергать его не слѣдуетъ; совершенно, справедливо, что христіанину недостаточно называться христіаниномъ, а необходимо проникнуться ученіемъ христовымъ, и поступать по его заповѣдямъ; да развѣ изъ этого слѣдуетъ, что не нужно видимаго обряда воднаго крещенія? Вы вооружаетесь противъ буквы, возражаетъ онъ имъ; но развѣ вы можете обойтись безъ буквы? Вы же молитесь и читаете св. Писаніе? Развѣ это не буква? Человѣкъ не можетъ обойтись безъ тѣлеснаго выраженія: онъ на то самъ съ тѣломъ; вотъ еслибъ онъ былъ безплотный, тогда для него не нужно было бы ни буквы, ни обряда. — Притомъ же молокане не такъ, какъ западные протестанты, думаютъ о соборахъ, преданіяхъ и ученіи св. Отцовъ. Они не отвергаютъ ихъ вовсе, не полагаютъ такихъ границъ между Новымъ Завѣтомъ и ученіемъ послѣдующихъ вѣковъ, какія видятъ протестанты. Они и въ явленіяхъ послѣдняго рода, точно какъ въ св. Писаніи, ищутъ духовнаго смысла, внутренняго значенія. Если вы прочитаете молоканамъ житіе святыхъ, они не будутъ подвергать ихъ критикѣ и доискиваться отрицанія ихъ историчности, какъ дѣлаютъ, напримѣръ, лютеране; для нихъ эта историчность дѣло постороннее и не есть предметъ религіи: если, по ихъ мнѣнію, окажется, что все читаемое имъ житіе заключаетъ въ себѣ вымыслъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ они найдутъ въ немъ что нибудь и такое, что̀, по ихъ же мнѣнію, содержитъ въ себѣ нравственный смыслъ, то скажутъ, что это житіе достойно уваженія. Они не отвергаютъ почитанія Божіей Матери и святыхъ, но возстаютъ противъ обрядоваго поклоненія имъ.

Я слышалъ, какъ остроумно молоканинъ укорялъ по этому поводу нѣмцевъ протестантовъ.—«Не вѣруетъ, говоритъ онъ, чудесамъ святыхъ, а Христовымъ и Апостольскимъ вѣруетъ! Развѣ послѣ Христа и Апостоловъ не существуетъ та же Божія

сила, что при нихъ была? Да не Христосъ ли сказалъ, что тотъ, кто вѣруетъ въ него, сотворитъ и больше его? Вотъ это и относится къ святымъ Его».—«А вы вѣрите?» спросили его. — «Мы всему вѣруемъ духовно», отвѣчалъ онъ.

Съ такими взглядами на дѣло вѣры, понятно, что молокане не сходились и не могли сойтись съ протестантами. Были случаи, когда видимое сходство побуждало молоканъ отправиться къ пасторамъ, живущимъ въ поволжскихъ колоніяхъ, но пасторы, испытавши ихъ, сознавались, что между ихъ сектою и западнымъ протестантизмомъ мало общаго: западное протестантство—плодъ просвѣщенія, а молоканство—плодъ невѣжественнаго умничанья. Такъ говорили нѣмецкіе пастыри. Ихъ соблазняло то, что молокане въ нѣкоторыхъ взглядахъ шагнули далѣе протестантовъ, въ другихъ они стоятъ ближе и примирительнѣе къ древнему церковному авторитету. Одинъ молоканинъ отправился-было къ гернгутерамъ въ Сарепту, сталъ излагать тамошнему пастору свое ученіе, спрашивалъ: «Не похоже ли оно на гернгутерское?» — «Ты мужикъ», отвѣчалъ ему благоразумный пасторъ. «Не твое дѣло разсуждать о вѣрѣ; въ какой вѣрѣ ты родился, той и держись; какъ тебѣ царь приказываетъ вѣрить, такъ и вѣрь». Сохраняя всю важность иносказательнаго толкованія всего священнаго писанія, нѣкоторые молокане стали-было задумываться надъ таинствомъ причащенія. Какъ ни старались они давать аллегорическое значеніе плоти и крови Христа Спасителя, разсказъ о тайной вечери, сопровождаемый прямыми простыми словами Спасителя, сталъ противъ нихъ укоромъ. Возникъ въ самомъ молоканствѣ толкъ, допускавшій видимое образное воспоминаніе тайной вечери въ день, посвященный смерти Спасителя Христа. Стали сходиться въ избу; одинъ изъ молоканъ приносилъ за пазухой штофъ краснаго вина и хлѣбъ, ставили штофъ и клали хлѣбъ на столъ, читали евангеліе, послѣ того ѣли хлѣбъ и пили вино, всѣ вмѣстѣ, одинъ за другимъ и, въ заключеніе, цаловались между собою въ знакъ любви. Но этотъ обычай, очевидно возникшій въ подражаніе древнимъ христіанскимъ вечерямъ любви, отнюдь не вошелъ въ повсемѣстное употребленіе; напротивъ, большинство молоканъ возстали противъ него съ жаромъ, называли его идолопоклонствомъ, извращеніемъ истинной вѣры. Молокане не возстаютъ противъ поста, напротивъ, воздержаніе отъ пищи и питья считается дѣломъ очень полезнымъ для воздержанія страстей. Но они не хотятъ признавать для поста ни опредѣленныхъ временъ въ году, ни перебора такой или иной пищи. Каждому нужно необходимо поститься, но тогда, когда къ

этому есть побужденіе и нужда, и постъ долженъ состоять въ совершенномъ неѣденіи по нѣскольку дней, или же въ такомъ маломъ ѣденіи, чтобы человѣкъ не умеръ съ голоду. Такъ полезно проводить нѣсколько дней, но отнюдь не слѣдуетъ хвастать этимъ, — сообразно евангельской заповѣди — поститься втайнѣ, умывъ лицо и помазавъ голову передъ людьми. Богу пріятенъ только такой постъ. Сверхъ того, полезно и нравственно всегда хранить воздержаніе. Молокане избѣгаютъ свинины и говорятъ, что Моисей справедливо не велѣлъ ѣсть этого мяса, будто бы возбуждающаго пожеланія и вообще нездороваго. Избѣгаютъ они также луку и чесноку и называютъ ихъ плодами содомскихъ виноградовъ, отъ которыхъ Моисей во Второзаконіи запрещаетъ вкушать. Но болѣе всего молокане избѣгаютъ вина. Всякое питье вина считается у нихъ предосудительнымъ, потому что вино отягчаетъ разсудокъ и приводитъ человѣка въ неестественное состояніе. Куреніе табаку хотя и не преслѣдуется какъ у старовѣровъ, но не одобряется, на томъ основаніи, что табакъ производитъ одурѣніе. Молокане не одобряютъ всякой роскоши и изысканности въ пищѣ и одеждѣ и вообще въ образѣ жизни. Они, насчетъ этого, составили себѣ такое понятіе: если мы будемъ жить очень роскошно и употреблять на себя большія богатства, то тѣмъ самымъ будемъ способствовать распространенію нищеты между своими ближними. Все лишнее, что̀ мы позволяемъ себѣ, отнимаетъ у другихъ нашихъ братій необходимое. Страсть къ роскоши дѣлаетъ насъ нечувствительными къ нуждамъ другихъ. Кому составляютъ необходимость вкусныя и дорогія кушанья, рѣдкія вина, богатыя одежды и украшенія, кому много нужно, тотъ, естественно, не поможетъ ближнему въ нуждѣ и отговаривается тѣмъ, что не имѣетъ на то средствъ; въ самомъ же дѣлѣ еслибы онъ отсталъ отъ роскошныхъ привычекъ и не признавалъ необходимымъ для себя того, что̀ для него излишне, то увидалъ бы, что средствъ у него слишкомъ достаточно для того, чтобы своихъ ближнихъ избавить отъ крайнихъ лишеній. Пока люди жили просто, довольствовались немногимъ, не гонялись за модою, не говорили, что безъ того и безъ другаго имъ обойтись невозможно, до тѣхъ поръ и нищеты не было. Хорошо, говорятъ они, быть богатымъ, но пусть богатство идетъ на общую пользу нашихъ братій, а не на прихоти богача; пусть богачъ въ то̀мъ себѣ поставитъ величайшее удовольствіе и благополучіе, что можетъ быть полезенъ болѣе другихъ своему обществу, а для этого нужно, чтобы богачъ велъ простую жизнь и не пристрашался къ роскоши. Молокане порицаютъ карточную игру, и

вообще всякую игру, имѣющую цѣлью пріобрѣтеніе. Они говорятъ: и время понапрасну теряется, и человѣкъ къ алчности привыкаетъ, и вражда появляется между людьми: одинъ у другаго норовитъ отнять чужое въ свою пользу. Нѣтъ ничего вреднѣе игры; что пьянство, что игра — путь ко всѣмъ порокамъ и къ противности евангельскому житію; а потому надобно равнымъ образомъ и того и другаго избѣгать. Самыя забавы молодости — пѣсни, пляски, хороводы — если не запрещаются, то избѣгаются ревностными молоканами и считаются праздным препровожденіемъ времени: время безъ того гораздо лучше употребить на плодотворныя и душеспаспительныя занятія. Такимъ образомъ, въ воскресный день, можно видѣть молоканскую молодёжь, распѣвающею псалмы вмѣсто пѣсенъ. Трудъ, по ихъ понятіямъ, нуженъ человѣку, какъ хлѣбъ и воздухъ; онъ нетолько даетъ средства къ жизни, но предотвращаетъ отъ развращенія и пороковъ, поэтому на трудъ молокане смотрятъ какъ на религіозную обязанность.

Иносказательный взглядъ на дѣло вѣры переносится молоканами и на гражданскія отношенія. Такимъ образомъ они составили себѣ особое воззрѣніе на власти и законъ. Какъ въ дѣлѣ религіи, не обрядность, не форма составляютъ сущность, а духовный внутренній смыслъ, такъ и во всякомъ гражданскомъ механизмѣ — во власти, въ законодательствѣ, въ управленіи, духовный христіанинъ ищетъ того же внутренняго духовнаго значенія и впадаетъ въ противорѣчіе съ формальностью. Нельзя, по его толкованію, быть христіанином, соблюдая одни внѣшніе обряды; нельзя быть хорошимъ гражданиномъ, соблюдая только форму закона. Любимое выраженіе цѣлой секты: буква мертвитъ, духъ животворитъ — примѣняется у ней и къ гражданскому механизму. Не тотъ хорошій гражданинъ, который не крадетъ потому, что боится кары, постановленной за воровство, а тотъ, въ комъ такъ сильна любовь къ ближнему, что онъ не станетъ похищать чужой собственности и тогда, когда бы даже законъ это предписывалъ. Есть законъ высшій, единый истинный законъ, которому слѣдуетъ повиноваться, законъ, написанный Богомъ на плотяной скрижали нашего сердца. Этотъ законъ познается и усвоивается черезъ постоянное размышленіе и черезъ неуклонное исполненіе дѣлъ любви, указываемыхъ божественнымъ откровеніемъ. Вотъ этимъ-то внутреннимъ закономъ надлежитъ руководствоваться, а не буквою. Законъ буквальный не достигаетъ своей цѣли. Развѣ сами суды по человѣческой склонности къ заблужденіямъ, не оправдываютъ виновнаго, не обвиняютъ невиннаго, не опредѣляютъ

наказанія выше мѣры? И развѣ судьи не рѣшаютъ дѣлъ пристрастно и продажно? Да и самые справедливые, самые безкорыстные и неподкупные судьи часто не въ силахъ составить вполнѣ справедливаго приговора надъ виновнымъ, ибо недостаточно одного поступка: нужно еще цѣнить побужденіе, а побужденія наши знаетъ вполнѣ одинъ Богъ; нетолько чужіе — мы сами иногда не въ состояніи ихъ оцѣнить. Самый человѣческій законъ подверженъ временному измѣненію: что въ одно время и подъ однимъ правительствомъ почитается преступленіемъ, то въ другое время, подъ другимъ правительствомъ, признается добродѣтелью. «Часто у насъ, говорятъ молокане, законъ предписываетъ то, что противно добродѣтели, и запрещаетъ то, чего требуетъ любовь къ ближнему, и во многихъ случаяхъ мѣшаетъ дѣлать своимъ ближнимъ добро». Съ такимъ взглядомъ, естественно, молокане впадаютъ въ противорѣчія съ требованіями существующихъ законныхъ постановленій и общественныхъ условій порядка. Отъ исканія подъ буквой закона внутренняго смысла, отъ предпочтенія истинной добродѣтели условнымъ правиламъ, молокане доходятъ до пренебреженія къ положительному закону: власть, какъ источникъ закона и понужденіе къ исполненію его, въ умѣ молоканъ подвергается сомнѣніямъ и толкованіямъ. Часто говорятъ, будто молокане вовсе отвергаютъ власть: это сдѣлалось всеобщимъ мнѣніемъ о нихъ. Молокане объ этомъ предметѣ говорятъ такъ: мы не отвергаемъ власти, мы считаемъ, что слѣдуетъ ей повиноваться, исполняя изреченіе св. писанія, повелѣвающаго устами апостола Павла покоряться предержащимъ властямъ. Какъ же можемъ мы дойдти до такого безумія, когда передъ нашими глазами прямая, несомнѣнная заповѣдь апостольская? Надобно, говорятъ они, признавать власти, какія бы онѣ ни были, какъ скоро онѣ существуютъ; но мы думаемъ, что нельзя и не слѣдуетъ признавать превосходнымъ все то, что исходитъ изъ власти, если собственный нашъ разсудокъ не убѣждаетъ насъ въ превосходствѣ этого. Равнымъ образомъ нельзя и не должно исполнять повелѣваемое властью, если то, чего власть требуетъ, противно нравственнымъ требованіямъ совѣсти и правды. Такъ они указываютъ на примѣръ первыхъ христіанъ, которыхъ римскіе императоры принуждали поклоняться идоламъ. Императоры были облечены законною властію, однако, христіане не исполняли ихъ повелѣній, когда эти повелѣнія были противъ ихъ убѣжденія. Такъ же точно и три отрока, брошенные въ пещь халдейскую, не послушались повелѣнія царева, противнаго ихъ собственному закону. Христосъ, хотя и повелѣваетъ воздавать

кесарево кесареви, но не иначе, какъ воздавая Божіе Богови; поэтому ясно, что если самъ кесарь потребуетъ чего нибудь такого, что̀ воспрещаетъ собственный законъ и наша совѣсть, которая, по ученію св. писанія, есть истинный божественный законъ, написанный на плотяныхъ скрижаляхъ нашего сердца, то не слѣдуетъ, ради кесарева повелѣнія, нарушать волю Божію, иначе это будетъ порицаемое Богомъ человѣкоугодничество.

Признавая необходимость власти, молокане считаютъ возстаніе противъ всякихъ властей, хотя бы и несправедливыхъ, дѣломъ неправеднымъ и проповѣдуютъ глухое терпѣніе и упорство. Возстаніе и открытое сопротивленіе ведетъ за собою зло нашимъ ближнимъ, а нужно избѣгать всего, что̀ можетъ произвести зло. Слѣдуетъ покориться, говорятъ они, монархической власти. Но они не уважаютъ всякіе видимые знаки ея святости, ни за что̀ не признаютъ монарха Божіимъ помазанникомъ, да и противъ самой монархической институціи указываютъ на исторію Саула. Богъ устами Самуила самъ отклонялъ израильтянъ отъ избранія себѣ царя, и пророкъ указывалъ народу на тѣ стѣсненія и несправедливости, которыя онъ терпѣть будетъ, когда станутъ управлять имъ цари. Но тѣмъ не менѣе, когда уже царская власть признана народомъ, слѣдуетъ ее признавать, и сопротивляться ей, исключая случаевъ вѣры, противно божественному закону и долгу совѣсти. Надобно терпѣть. Христосъ не велитъ противиться

Молокане отвергаютъ всякое различіе сословій; по ихъ ученію, всѣ люди равны между собою, всѣ братья, не должно быть ни благородныхъ, ни неблагородныхъ; равнымъ образомъ, всякіе внѣшніе знаки отличій, титулы, чины, по ихъ мнѣнію, суета и противны евангельскому ученію. Война есть дѣло самое богопротивное: войска не должно быть, и потому кто убѣжитъ изъ войска, того не должно преслѣдовать: онъ дѣлаетъ хорошо, избѣжавъ грѣха. При этомъ, они ссылаются на одно мѣсто притчъ Соломоновыхъ, превратно понимаемое: «На немъ же аще мѣстѣ вся соберутъ, не иди тамо, уклонися же отъ нихъ и измѣни» (Притчъ гл. 4). Мѣсто это, по смыслу предъидущаго въ притчахъ Соломоновыхъ, относится исключительно къ *нечестивымъ* (на пути нечестивыхъ не иди, ст. 14), но сектанты, уже чисто по невѣжеству, примѣняютъ его вообще ко всякому войску. Укрываніе дезертира есть, по молоканскому понятію, дѣло хорошее. Но не только дезертиръ, и всякій, убѣгающій отъ преслѣдованія законныхъ властей, находитъ у молоканъ пріютъ. Мы не знаемъ, говорятъ они, виноваты или правы бѣглецы, законъ часто бываетъ несправедливъ и судьи судятъ оши-

бочно, а власти преданы суетѣ, требуютъ часто противнаго божественному закону; отъ этого преслѣдуемый можетъ быть невиненъ и праведенъ: мы не судьи, разбирать не наше дѣло; кто у насъ ищетъ спасенія, мы тому и помогаемъ, помня слова св. писанія: малаго и стараго между стѣнами твоими укрой. Да еслибы онъ былъ и дѣйствительно виновенъ, еслибы онъ былъ злодѣй—развѣ, убѣгая отъ наказанія, онъ не можетъ покаяться, а покаяніе развѣ не изглаживаетъ преступленія? Самъ Господь прощаетъ кающихся; мы ли будемъ жестоки и станемъ ихъ преслѣдовать? На этомъ основаніи, пристанодержательство — обыкновенное преступленіе въ молоканскомъ обществѣ. Есть еще другое преступленіе, которое считаютъ распространеннымъ между молоканами — это дѣланіе фальшивой монеты. По нѣкоторымъ уголовнымъ дѣламъ видно, что изъ этой секты бывали обвиненные въ этомъ преступленіи. Въ Самарской губерніи село Тяглое-Озеро, населенное въ значительной степени молоканами, было когда-то гнѣздомъ фальшивыхъ монетчиковъ. Но сколько я ни разспрашивалъ объ этомъ предметѣ у моихъ знакомыхъ молоканъ, они не подали никакого повода заключить, чтобъ въ ученіи молоканскомъ было что нибудь такое, что бы оправдывало подобное преступленіе. Они увѣряли, что если изъ ихъ единовѣрцевъ были негодяи, которые пускались на такое дурное дѣло, то это дѣлалось вовсе не вслѣдствіе ихъ религіи: въ доказательство этому они указываютъ на то обстоятельство, что въ уголовныхъ дѣлахъ такого рода и, между прочимъ, въ сложномъ тяглоозерскомъ дѣлѣ, преступниками оказывались не одни молокане, но и православные и послѣдователи старообрядчества и всякихъ сектъ.

О происхожденіи своего ученія я слышалъ отъ молоканъ слѣдующее: вѣра наша (говорили мнѣ) пошла на Руси отъ Матвѣя Семеновича; онъ жилъ давно, назадъ тому лѣтъ триста, при царѣ Иванѣ Грозномъ, и былъ замученъ: его живаго сожгли. Отъ многихъ гоненій вѣра наша, послѣ того, умалилась и ослабѣла, а тому назадъ лѣтъ пятьдесятъ или поболѣе подкрѣпилъ ее и подновилъ Семенъ Уклеинъ. Впрочемъ, прибавляютъ они, съ тѣхъ поръ, какъ христіанство стоитъ на землѣ, всѣ истинные поклонники Божества такъ вѣрили и до конца міра будутъ вѣрить, какъ мы. Упоминаемый ими Матвѣй Семеновичъ долженъ быть не иной кто, какъ Башкинъ, осужденный въ 1555 году въ Москвѣ. (Объ немъ мы уже говорили: «Великорусскіе религіозные вольнодумцы въ XVI вѣкѣ». Ист. Моногр., т. I).

Н. Костомаровъ.